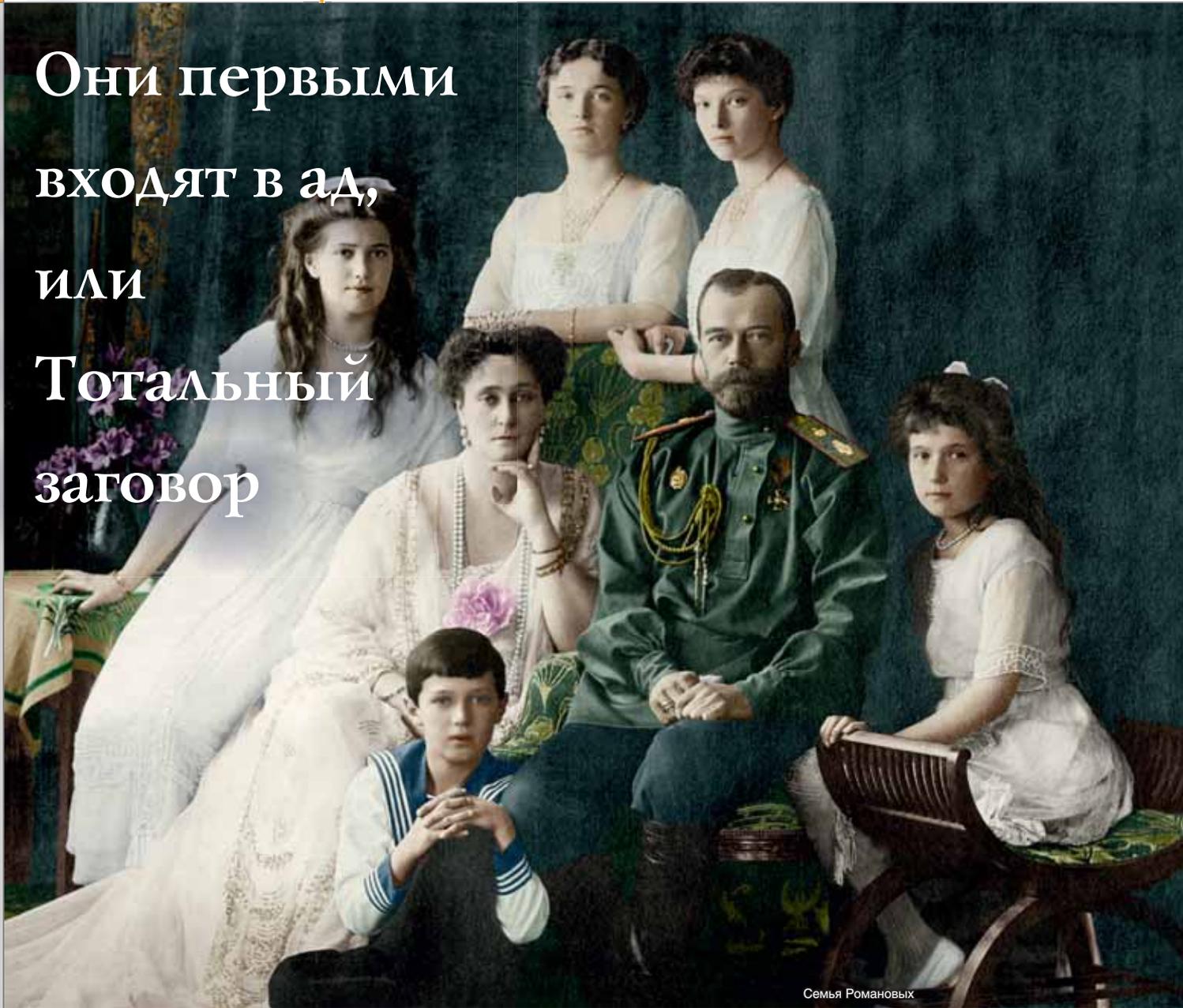

Они первыми входят в ад, или Тотальный заговор

Семья Романовых

Рыбас
Святослав
Юрьевич —

председатель совета директоров Русского биографического института, член Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации.

*(Продолжение.
Начало см. в № 1/2016,
с. 106–117;
в № 2/2016, с. 94–106;
в № 3/2016, с. 138–153)*

Сердце царя в руке Божьей

В то время, когда уже были собраны силы мировой войны, жила в России одна счастливая семья, в которой муж и жена души не чаяли друг в друге, а дети были окружены заботой

и любовью. Наверное, таких семей было немало. Но поговорим только об одной, о семье Николая Александровича и Александры Федоровны, императора и императрицы.

Он был хорошо образован, физически силен, настойчив, добр, аскетичен, не тщеславен. Действительно, к каким высотам ему надо было стремиться, будучи императором? В анкете Всероссийской переписи

Цесаревич Николай Александрович и принцесса Алиса Гессенская. 1894 г.

Император Николай II с детьми на прогулке

Николай II и цесаревич Алексей

1897 года он простодушно указал свою должность: «Хозяин земли Русской», что потом вызывало гору насмешек.

Все же нельзя назвать его идеальным героем. В историческом процессе подобных счастливицев вообще нет.

Вот рассказ о его детстве великого князя Александра Михайловича: «Будущий Император Николай II рос в напряженной атмосфере вечных разговоров

о заговорах и неудавшихся покушениях на жизнь его деда Императора Александра II. Пятнадцать лет он присутствовал при его мученической кончине, что оставило неизгладимый след в его душе».

Его любимая жена была четырьмя годами моложе, родилась в 1872 г. в семье герцога Людвига IV Гессен-Дармштадтского и дочери английской королевы Виктории принцессы Алисы. Девочку тоже назвали Алисой.

В 1878 г. от дифтерита умерли сестра Алисы и ее мать, надолго оставив у дочери чувство душевного одиночества. Веселый, жизнерадостный ребенок превратился в замкнутого, задумчивого, недоверчивого. Ее воспитание проходило под присмотром английской королевы Виктории в духе пуританской морали, преимущественно на английском языке. Алиса много читала, прослушала курс философии в Оксфорде, знала литературу, искусство, говорила на несколь-

Цесаревич Алексей

Николай II и Александра Федоровна

Императрица и великая княжна Анастасия

Григорий Распутин

ких языках. И была очень хороша собой — стройная, высокая, с большими темно-голубыми глазами. Все, кто близко знал ее, говорили, что главная черта ее характера — доброта.

Вот одно из описаний ее внешности, относящееся к 1915 г.: «Улыбка кротости, смирения и какой-то покорности судьбе отражалась на страдальческом лице Ее. <...> Ее поношенное темно-лиловое платье было не первой свежести и не отвечало требованиям моды; длинная нитка жемчуга вокруг шеи, спускавшаяся до пояса, была единственным украшением туалета; но главное, что отличало Императрицу от дам большого света, это было отсутствие напыщенности и рисовки, чистота и непосредственность движений, отсутствие заботы о производимом впечатлении... Я видел перед собой простую, искреннюю, полную бесконечного доброжелательства женщину, кроткую и смиренную...» [41].

У царской четы было пятеро детей: четыре дочери — Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и сын Алексей, родившийся в августе 1904 года, цесаревич, наследник престола. Девочки воспитывались по-спартански: они спали на жестких походных постелях без подушек, утро начиналось

с холодного купания. Мать обучала их рукоделию, учила тому, что сама умела с детства.

Порой скромность Александры Федоровны вызывала улыбку. Так, сын ходил в перешитых из девичьих платьев штанишках и блузах. Да и его отец не отличался щегольством. Один из царских слуг потом рассказал: «Его платья были часто чинены. Не любил он мотовства и роскоши. Его штатские костюмы велись у него с жениховских времен, и он пользовался ими». На обнаруженных после убийства в Екатеринбурге военных шароварах были заплатки, а внутри левого кармана надпись-пометка: «Изготовлены 4 августа 1900 года, возобновлены 8 октября 1916 года».

Сердцем семьи был маленький Алексей, жизнерадостный, подвижный, веселый малыш. Мало кто знал, что он поражен неизлечимой болезнью: гемофилия — нарушение процесса свертывания крови. Любой ушиб, порез или даже сильный кашель могли оборвать его тонкую жизненную нить.

О несчастье семьи никто не должен был знать, чтобы не волновать государственной жизни и не будоражить династические проблемы среди многочисленной романовской родни.

Досуг члены семьи проводили вместе. Часто после ужина собирались послушать, как отец читает вслух кого-нибудь из писателей-классиков — Пушкина, Гоголя, Толстого. В церковные праздники все молились в царскосельских церквях.

В узкий круг царской семьи мало кто мог свободно входить. Почему? Потому что нравственно очень требовательная Александра Федоровна, оказавшись перед лицом Романовского клана, многочисленных великих князей, их жен, детей, внуков, друзей и всей клиентелы, ничего не сделала, чтобы стать для них своей. Она хотела счастья и покоя своим близким и защищала свой мир с неожиданной силой новообращенной православной христианки, принявшей старогреческую веру своего мужа как спасительную.

Все было бы хорошо, если бы не болезнь наследника и не стоявшее у порога царскосельского Александровского дворца «Русское горе».

А.С. Суворин в дневнике намекает на это, приводя русскую пословицу: «Вынеси ты меня, мое горе!». За два года до рождения императора Алексей Константинович Толстой написал очень странное стихотворение «Чужое

горе», предсказывающее будущие трагедии.

*В лесную чащу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе,
в кольчатой броне
И свистнул беспечно, боцась на коне:
«Какое мне деется горе!»
И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты;
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня!
«Эй, кто за плечами там сел у меня?
Солной, берегись, не шути ты!»
И шутает он у себя за спиной,
И шарит, с досадой во взоре;
Но внимлет ответ: «Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везешь Ярослава ты горе!»
«Ну, ври себе! — думает витьязь, смеясь, —
Вот, подлинно, было бы диво!
Какая твоя с Ярославом-то связь?
В Софийском соборе спит киевский князь,
А горе небось его живое?»
Но дале он едет, гремя и звеня,
С товарищем боле не споря;
Вдруг снова к нему кто-то прыг на коня
И на ухо шепчет: «Вези ж и меня,
Я, витьязь, татарское горе!»
«Ну, видно, не в добрый я выехал час!
Вишь, притча какая бывает!
Что шишек еловых здесь падает вас!»
Так думает витьязь, главою склонясь,
А конь уже шагом шагает.
Но вот и ступать уж ему тяжело,
И стал спотыкаться он вскоре,
А тут кто-то сызнова прыг за седло!
«Какого там черта еще принесло?»
«Ивана Васильича горе!»
«Долой вас! И места уж нет за седлом!
Плеча мне совсем отдавило!»*

Распутин заполнял сияющую имперскую пустоту как одомашненный колдун, похожий на разбойника и одновременно на древнего пророка.

*«Нет, витьязь, уж сели, долой не сойдем!»
И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.
«Эх, — думает витьязь, — мне б из лесу вон
Да в поле скакать на просторе!
И как я без боя попался в полон?
Чужое, вишь, горе тащить осужден,
Чужое, прошедшее горе!»*

На императоре лежал тяжелый груз минувших времен. Тут было всё и все — киевский Ярослав Мудрый, ордынские ханы, Иван Васильевич Грозный, разгромивший боярскую оппозицию, Алексей Михайлович Романов с патриархом Никоном, Петр, гвардейские перевороты, восстание декабристов, Великие реформы, крестьянин Семенов, великая гора общины, хитроумный Вите, героический и одинокий Столыпин, Рябушинские, Гинцбурги, Поляковы, профессор Струве и еще некто без лица с револьвером в подвале какого-то дома в Екатеринбурге...

К Петру Великому он относился без всякого почитания и однажды признался: «Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западной культурой и попираание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично» [12, с. 28].

Отдельно от них стояла фигура русского крестьянина Григория Распутина, вышедшего невесть откуда и принесшего надежду на исцеление малыша. Видимо, он и был олицетворением «Горя».

Кто он? Сибирский мужик, один из тех, которые «взыскуют истины», самоучка, малограмотный, умный, много повидавший в паломничествах по святым местам, хорошо знающий Библию. Он мог словом останавливать жестокие приступы болезни наследника, сотворяя непостижимое чудо. Разговаривать с ним было интересно и поучительно. Это был, надо понимать, голос русского народа, случайно вошедший в царский дом. Он обещал, что спасет Алексея, а после того, как наследнику исполнится шестнадцать лет, болезнь совсем уйдет. И, цепляясь за соломинку, не верить ему было невозможно.

Распутин заполнял сияющую имперскую пустоту как одомашненный колдун, похожий на разбойника и одновременно на древнего пророка. Это загадочное ощущение, угадываемое в русском простолудине, передал Иван Алексеевич Бунин: *Расцветают, горят на железном морозе несытые / Волчьи, Божьи глаза...*

Через Распутина и вползло горе. Слаб мужик, не сдержался, не устоял, поддался соблазнам, пожелал казаться всемогущим. По свидетельству Владимира Николаевича Коковцова, преемника Столыпина на посту премьер-министра финансов, «в начале декабря или в конце ноября» 1911 года в столице стали расходиться отпечатанные на гектографе копии четырех или пяти писем — одно императрицы Александры Федоровны и ее дочери к Распутину. «Все эти письма относились к 1910 или 1909 году, и содержание их и в особенности отдельные места и выражения из пись-

ма Императрицы, составлявшие в сущности проявления мистического настроения, давали повод к самым возмутительным пересудам», — писал в своих мемуарах Коковцов.

«Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю все одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие

сих пунктов, зато в каждой был свой колдун, то и какой-то Гришка Распутин казался сказкой о явлении мужика в царский дворец.

Дело в том, что письма были подлинными. Никакой интимной информации, которую увидели в них поборники нравственности, они не содержали. Правда, Распутин не должен был показывать их кому бы то ни было. Но показал из-за своей дикой натуры.

Или скажем по-другому. Достоевский в «Братьях Карамазовых» писал о таком типичном созерцателе, что «может, вдруг, накопив впечатлений за многие годы,

рами, сверкало оружие войск на появившемся после дождя ярком солнце, развевались школьные знамена, а по обеим сторонам Иверской часовни расположились красавцы конвойцы его величества в красных кафтанах, а по левой стороне часовни, у проезда через ворота стояли земские начальник, волостные старшины со всей России и типичные станичные атаманы с их булавами в руках, с самых отдаленных окраин нашей Родины, в разнообразных формах <...>. В 11 часов из внутренних покоев через Екатерининский зал, Кавалергардскую комнату, Андреевский, Александровский, Георгиевский и Владимирский залы, Святые сени и Красное крыльцо в Успенский собор последовал высочайший выход. Во главе шествия шли камер-фурьеры, два церемониймейстера, обер-церемониймейстер барон Корф, придворные кавалеры, вторые чины двора, гофмаршал граф Бенкендорф, первые чины двора и др. В предшествовании обер-гофмаршала князя Долгорукова следовали: Государь в форме гренадерского Астраханского полка под руку с императрицей Марией Федоровной, позади Государя министр двора барон Фредерикс и дежурство: генерал-адъютант князь Белосельский-Белозерский, Свиты генерал Петрово-Соловово и флигель-адъютант князь Долгорукий; за императрицей — обер-гофмейстер князь Шервашидзе. Далее следовала императрица Александра Федоровна с наследником цесаревичем, который был в форме стрелков императорской фамилии. Затем попарно шли остальные особы императорского дома, придворные дамы, лица Свиты и т.д. <...> Как только на Красном крыльце появился Государь, то глубокая тишина, царившая на площади, дрогнула под звоном всех золотых глав церквей кремлевских. Потрясающее „ура“, восторженно приветствовавшее их величества, как-то сразу вырвалось из груди народа, заполнявшего площад-

Между царской семьей и остальным миром стояла невидимая стена. Приближенные и весь романовский клан ощущали это.

около меня. Где ты есть. Куда ты улетел. А мне так тяжело, такая тоска на сердце <...> Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня. Скорее приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя Мама».

Письма цесаревен тоже были очень интимны и целомудренны. Однако: «Россия прочла эти строки, и по стране пошел гулять слух, что „Гришка“ живет с царицей. По сути это было начало конца. После этого Царскому дому, а значит, и всей Империи было не устоять» [42, с. 292–294].

Да, правящий класс уже выносил свой обвинительный вердикт, но в глубине России еще царил покой. Если учесть, что в большинстве деревень не было ни фельдшерских, ни акушер-

бросит все и уйдет в Иерусалим скитаться и спасаться, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то, и другое вместе».

Началась кампания по «раскрытию глаз» императору, выступления депутатов в Государственной думе, волна публикаций в газетах. Царице был вынесен приговор: «Эта женщина не любит ни царя, ни Россию, ни семью и всех губит».

Сила и красота империи в год 100-летнего юбилея Бородинской битвы были очевидны. Вот какую яркую картину торжества видим в мемуарах московского губернатора Владимира Федоровича Джунковского, описывающего открытие памятника Александру III в Москве 28 мая 1912 г.: «В момент выхода Государя из Иверской часовни Вознесенская площадь представляла собой удивительно красивое зрелище. Блестели шитые золотом мундиры офицеров гвардейских полков, стоявших шпале-

ку и Царскую площадь. Под эти несмолкающие крики „ура“ шествие медленно начало спускаться по красивой величественной лестнице, направляясь к Успенскому собору...» [43].

Необыкновенная красота церемонии, восторг публики, золотые купола Кремля, славная история — все утверждало чувство гордости и патриотизма. Однако главные действующие лица не были так восторженны, как виделось со стороны. Они были актерами бесконечного спектакля, который был им утомителен, что подчеркивалось болезненностью сына — он ушиб ногу и сидел на руках могучего боцмана Деревенько. Более того, они никогда не любили скопления больших масс народа и чувствовали себя стесненно. Между царской семьей и остальным миром стояла невидимая стена. Приближенные и весь романовский клан ощущали это.

Поэтому Распутин оказался так кстати, так необходим тем, кто стремился оказать влияние на императора. Хотели вырвать царя из-под власти «темных» сил Столыпин, Коковцов, великие князья, церковные иерархи, генералы, депутаты. А другие хотели через Распутина войти в доверие к императрице и императору.

По отношению к Распутину верхи разделились на «чужих» и «своих», что стало символом раскола. Царь не реагировал на информацию о «старце Григории», Александра Федоровна воспринимала всех «доброжелателей» как личных врагов.

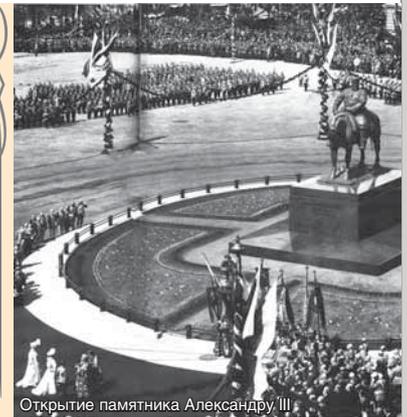
К тому же надо учесть еще одно обстоятельство: Распутин был противником войны с Германией, главным индустриальным партнером империи. Соответственно, все, кто желал в ближайшее время получить «ключи от собственного дома» и следовать курсом английской дипломатии, были его недругами.

Предполье мировой войны. Появление Гучкова

В начале октября 1912 г., через месяц после Бородинских торжеств, началась Первая Балканская война. России она не нужна была ни с какой руки. Более того, война разрушала ее планы. Эти планы, конечно, были связаны с Проливами и отталкивались от «дипломатической Цусимы» А.П. Извольского, который «проиграл» партию своему австро-венгерскому коллеге. Согласившись на переход двух бывших турецких провинций под юрисдикцию Вены, Петербург как будто просто признал статус-кво, ибо дипломаты знали, что по секретному Рейхштадтскому соглашению 1876 г. Россия согласилась на «оккупацию» Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины (Новобазарский санджак), получив взамен ее нейтралитет в грядущей Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. На Берлинском конгрессе в 1879 г. эта «оккупация» стала бессрочной, за Россией же были признаны права на Бессарабию.

Однако юридически в случае любых потрясений Босния и Герцеговина могли оказаться в ином владении. А уступать эту территорию австрийцы никак не планировали.

Закрепив юридическое право на Боснию и Герцеговину, Австро-Венгрия нарушила баланс сил в регионе. В ответ Россия попыталась отыграть, укрепив сотрудничество с Турцией, а после того, как из этого ничего не вышло, пошла навстречу Италии. В октябре 1909 г. в итальянском городке Раккониджи Николай II и король Виктор-Эммануил III подписали секретный договор. Он предусматривал поддержку со стороны Италии в сохранении статус-кво на Балканах и содействие в открытии Черноморских проливов для русских военных кораблей в обмен на доброжелательный нейтра-

Открытие памятника Александру III

Король Виктор-Эммануил III и Николай II

Первая Балканская война

литет России в случае захвата Италией Триполитании и Киренаики (нынешняя Ливия), находившихся в составе Османской империи. Договор также предусматривал совместное дипломатическое давление Италии и России на Австро-Венгрию в случае нарушения ею статус-кво на Балканах.

В конце октября 1911 г. итальянские войска заняли приморские города Триполитании и Киренаики, Рим объявил об аннексии этих провинций.

10 октября 1912 г. началась Первая Балканская война, крошечная Черногория объявила войну Османской империи. Тут же войну объявили Сербия, Болгария и Греция, их войска стали быстро продвигаться к Константинополю. К началу ноября турецкая армия была разбита. Русское общество охватило воодушевление, но за восторгами, как обычно, не рассмотрели серьезной проблемы. Болгария, за которой стояли Германия и Австрия, могла захватить Проливы, что Россию никак не устраивало. Петербург потребовал прекратить наступление и предложил Германии, Франции, Англии, Австро-Венгрии и Италии выступить против раздела Турции. 30 мая 1913 г. в Лондоне был заключен мирный договор: почти вся территория европей-

ской Турции переходила к победителям, Турции осталась узкая полоска территории возле Константинополя.

Хотела ли этой войны России? Нет и еще раз нет!

Хотело ли ее российское общество? Да и еще раз да! Сомнений не должно было быть: святой долг России — сражаться за свободу православных братьев, за славянское содружество. Еще не был забыт герой прошедшей Русско-турецкой войны генерал М.Д. Скобелев, отчеканивший формулу: «Россия — единственная страна в мире, которая может воевать из сострадания!»

Сострадание или несострадание, но нельзя упускать из виду, что любая война — это и сугубо материальные интересы. В этой обстановке на правительство оказывала давление вся экспортоориентированная часть российской экономики, которой был необходим контроль над Проливами. Уже с 1910 г. реорганизация армии и строительство флота были обеспечены финансами. В 1911 г. были спущены на воду четыре дредноута.

Балканские войны, особенно Вторая, возбуждали военные химеры. Летом 1912 г. была заключена франко-русская морская конвенция, согласовавшая

действия флотов. В том же году в ходе совещания начальников генеральных штабов подтверждена стратегическая цель — поражение Германии. Французское правительство предложило ежегодные займы от 400 до 500 млн франков на постройку стратегических железнодорожных линий, ведущих из центра страны к западным границам. Займы были приняты. Империя неудержимо шагала к мировой войне.

Одну из трагических ролей сыграл Гучков. Александр Иванович был незаурядным человеком, закаленным в старообрядческой традиции. Он окончил Московский университет, учился в Германии, приобрел большой опыт в Московской городской управе, был товарищем (заместителем) городского головы, гласным городской думы, работал управляющим московского Учетного банка, был совладельцем страхового общества «Россия», финансировал массовую газету «Новое время» и, соответственно, был близок к А.С. Суворину, возглавлял партию «Союз 17 октября». Октябристы, будучи консервативными либералами, были согласны, условно говоря, на «49 процентов» в управлении страной и сотрудничали с правительством. С юности стремился к риску, гимназистом хотел бежать на войну с турками за освобождение Болгарии, до-

Министр Временного правительства А.И. Гучков

М.Д. Скобелев

Линкор «Севастополь», 1911 г.

бровольцем участвовал в Англо-бурской войне на стороне более слабых буров, был ранен, оказался в плену. Во время Русско-японской войны был помощником главноуполномоченного Красного Креста при Маньчжурской армии — уполномоченным города Москвы и Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны. Отказался покинуть Мукден вместе с отступающими русскими войсками и остался вместе с ранеными в японском плену. Выступал за решительную борьбу с революцией, в том числе с помощью военно-полевых судов. Не раз дрался на дуэлях. Поддержал роспуск 2-й Государственной думы и изменение избирательного закона 3 июня 1907 г. Был избран в 3-ю Государственную думу, поддерживал П.А. Столыпина. (Октябристы имели в этой Думе 154 мандата из 442.)

Одно время даже царь был расположен к Гучкову, но после разглашения последнего подробностей их доверительного разговора перестал ему доверять. Более того, узнав об участии Гучкова в раздувании антираспутинской истерии, в Царском Селе его назвали «подлецом».

Переход Гучкова от промонархической центристской позиции к радикальной оппозиции, что мы увидим накануне Февраля, происходил постепенно. Александр Иванович, будучи председателем думской комиссии по государственной обороне, вступил в жесткий конфликт с военным министром В.А. Сухомлиновым в вопросе модернизации армии. Заметим, что военное и морское министерства, Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел контролировались императором, а не Думой. В мае 1908 г. с думской трибуны Гучков заявил о помехах, чинимых армейскому управлению великими князьями (родственниками царя), при этом никак не отвечающими

Мощная натура Л.Н. Толстого кипела отрицанием режима, его авторитет взрывал основы. Его облик — это одновременно декабрист, народник, народоволец-цареубийца, эсер-бомбист.

за свои действия. Такой критики от политических союзников в адрес правящей династии еще никто себе не позволял. В итоге председатель Военного совета великий князь Николай Николаевич оставил свой пост.

П.Б. Струве относил Гучкова к тому типу политических деятелей, ярким примером которого в XIX в. являлся президент Франции, усмиритель Парижской коммуны Луи-Адольф Тьер: «Огромное честолюбие и огромная, граничащая с беспринципностью, пластичность. И рядом с этим — подлинный органический и общественный патриотизм, ярким пламенем вспыхивающий в моменты, когда Гучков касается той стороны нашей общественной жизни, которая его сильнее волнует, — вопросов государственной обороны» [44, с. 150].

Хочется назвать Александра Ивановича Григорием Ефимовичем, ибо какой-то древний мрак бился в его душе. Неспроста именно Гучков принимал отречение императора. Для такого дела требовалось нечто особенное.

Интеллигенция на пиру оппозиции

Велики заслуги русской интеллигенции и страшна ее вина перед государством. После революции 1905 г. группа очнувшихся от революционных иллюзий авторов издала знаменитый сборник «Вехи», где в статье «Интеллигенция и революция» интеллигенция было предъявлено обвинение в «безрелигиозном отщепенстве от государства». Как ни странно, автор статьи незадолго до этого высказывали иные мысли.

Узнав о разгроме российского флота в Цусиме, он признался: «Я дрожал от радости: и именно в этом сознании чувствовал себя патриотом». Это уже известный нам П.Б. Струве, сын пермского губернатора и внук знаменитого астронома, основателя Пулковской обсерватории. Но надо ли удивляться столь противоречивым высказываниям?

Россия от самого верха до низов колебалась.

Разночинная интеллигенция, аскетичная, знающая жизнь, неудовлетворенная темпом перемен, становится оппонентом власти. Дворянское государство, исповедующее идеи жертвенного служения Отечеству и императору, воспринимается ею как атавизм, что совпадает с процессом социальной трансформации в европейских странах. Да и где они, эти дворяне? В 1897 г. потомственные дворяне составляли только 23 процента от числа университетских студентов [8, с. 203].

Земская реформа самоуправления приоткрыла образованным слоям путь к реальной власти на местах, позволила в противовес государственной бюрократии заниматься широким кругом вопросов от создания земских школ и пунктов проката сельскохозяйственного инвентаря до строительства дорог и больниц. Эта деятельность неизбежно приобретала политический характер, так как постоянно сталкивалась с препонами, идущими от чиновников.

К тому же экономическое положение этнического ядра империи

было особенно тяжелым: налоговое обложение в русских губерниях было в среднем на 59 процентов выше, чем на национальных окраинах [45, с. 105].

Писатель Лев Толстой в январе 1902 г. обращался к императору с письмом, призывая его совершить немислимое. Оно начиналось несколько вызывающе: «Любезный брат! Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку — брату».

Писатель явно не признавал императорское достоинство адресата, но это было не самое главное. Он говорил о язвах современной государственной жизни, о нищающем народе, массовом недовольстве деятельностью правительства, падении авторитета православной церкви и самодержавия. «Вас, вероятно, приводит в заблуждение о любви народа к самодержавию и его представителю — царю то, что везде при встречах вас в Москве и других городах толпы народа с криками „ура“ бегут за вами. Не верьте тому, чтобы это было выражением преданности вам, — это толпа любопытных, которая побежит точно так же за всяким непривычным зрелищем. Часто же эти люди, которых вы принимаете за выразителей народной любви к вам, суть не что иное, как полицией собранная и подстроенная толпа, должествующая изображать преданный вам народ, как это, например, было с вашим дедом в Харькове, когда собор был полон народа, но весь народ состоял из переодетых городских <...>».

Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отдаленной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением. И потому поддерживать эту форму правле-

ния и связанное с нею православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел».

Л.Н. Толстой предлагал: «В России, где огромная часть населения живет на земле и находится в полной зависимости от крупных землевладельцев, освобождение рабочих, очевидно, не может быть достигнуто переходом фабрик и заводов в общее пользование. Для русского народа такое освобождение может быть достигнуто только уничтожением земельной собственности и признанием земли общим достоянием — тем самым, что уже с давних пор составляет задушевное желание русского народа и осуществление чего он все еще ожидает от русского правительства».

Несмотря на невыполнимость предложений литературного классика, 27 января 1902 г. Николай II принял его сына Льва Львовича Толстого и разговаривал с ним около двух часов. В конце беседы гость призвал царя «к опрощению», не убивать животных, не пить и не курить.

Спустя пять лет Л.Н. Толстой обратился к председателю правительства Столыпину, которого помнил совсем малышом и даже нянчил у себя на коленях.

«26 июля 1907 года.

Петр Аркадьевич!

Пишу Вам не как министру, не как сыну моего друга, пишу Вам как брату, как человеку, назначение которого, хочет он этого или не хочет, есть только одно: прожить свою жизнь согласно той воле, которая послала его в жизнь.

Дело, о котором я пишу Вам, вот в чем:

Причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли.

Если революционеры всех партий имеют успех, то только потому, что они опираются на это доходящее до озлобления недовольство народа. <...>

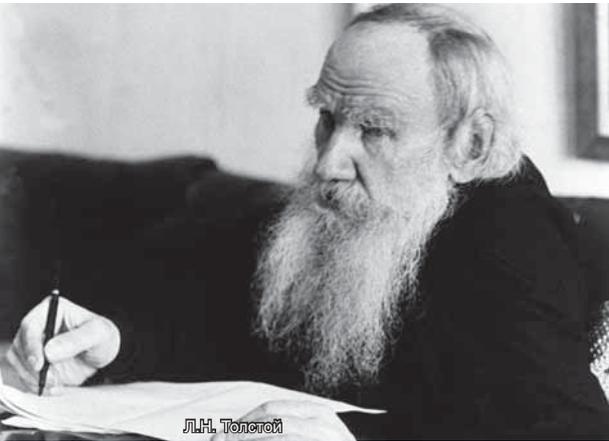
Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею. <...>

В том, что все революционное раздражение держится, опирается на недовольство крестьян земельным устройством, кажется, не может быть сомнения. А если это так, то не сделать того, что может уничтожить это раздражение, вынув почву изпод ног революционеров, значит, имея в руках воду, которая может потушить зачинающийся пожар, не вылить ее на огонь, а пролить мимо и заняться другим делом.

Думаю, что для энергического человека в Вашем положении это возможно. <...>

Только начните это дело, и Вы увидите, как тотчас же примкнут к Вам все лучшие люди всех партий; с Вами же будет все стомилионное крестьянство, которое теперь враждебно Вам. С Вами будет могущественнейшая сила общественного мнения. А когда эта сила будет с Вами, очень скоро само собою уничтожится, рассеется то все растущее озлобление и озверение народа, которое так тщетно пытается подавить правительство своими жестокостями».

Столыпин ответил в конце октября 1907 г.: «Мне кажется, что отсутствие „собственности“ у крестьян создает все наше неустойство. <...> Смешно говорить этим людям о свободе или

Л.Н. Толстой

В.И. Ленин

о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным».

«Душитель революции» Столыпин и «зеркало русской революции» Толстой были родовитыми дворянами, помещиками, их предки создали славу империи. Но граф стал «интеллигентом», а премьер остался в своем кругу. И не следует думать, что «добренький» Лев Николаевич ограничивался лишь обращением к верхам. Его мощная натура кипела отрицанием режима, его авторитет взрывал основы. Его облик — это одновременно декабрист, народник, народовец-цареубийца, эсер-бомбист.

Возможно, читатель возмутится. Неужели создатель трогательного образа русской героини Наташи Ростовской, сказавший: «Наташа — это я», был средоточием таких политических страстей?

Да, был. Вот свидетельство: «Удовлетворение от убийства русских министров испытывали даже люди, вся жизнь и деятельность которых, казалось, кричала о недопустимости пролития человеческой крови. Писатель Владимир Короленко рассказывает об отношении к убийству ми-

нистров и погрому дворянских имений Л. Толстого: „Чехов и Елпатьевский рассказывали мне, что когда ему передали о последнем покушении на Лауница, то он сделал нетерпеливое движение и сказал с досадой: — И наверно, опять промахнулись <...> Я привез ему много свежих известий. Я был в Петербурге во время убийства Сипягина <...> Толстой лежал в постели с закрытыми глазами. Тут его глаза раскрылись, и он сказал: — Да, это правда. Я вот <...> понимаю, что как будто и есть за что осуждать террор... Ну, вы мои взгляды знаете, и все-таки...

Потом глаза опять раскрылись, взгляд сверкнул острым огоньком из-под нависших бровей, и он сказал:

— И все-таки не могу не сказать: это целесообразно.

Я удивился этому полуодобрению террористических убийств, казалось бы, чуждых Толстому. Когда я перешел к рассказам о „грабежке“, то Толстой сказал уже с видимым полным одобрением:

— Молодцы.

Я спросил:

— С какой точки зрения вы считаете это правильным, Лев Николаевич?

— Мужик берется прямо за то, что для него важнее всего. А вы разве думаете иначе?» [46, с. 85].

Владимир Ильич Ленин не случайно назвал Льва Николаевича «зеркалом русской революции» — требования Толстого практически совпадали с программами социал-демократов, эсеров и кадетов, но еще больше с крестьянскими ожиданиями.

Александр Блок, видевший проблему изнутри, отмечал в 1908 г., что «интеллигентных людей, спасающихся положительными началами», становится все меньше; «высшее начало» отсутствует, заменяется «всяческим бунтом и буйством, начинающая от вульгарного „богоборчества“ декадентов и кончая неприметным и откровенным самоубийством — развратом, пьянством, самоубийством всех видов».

Словно отвечая на письмо писателя премьер-министру, Ленин разобрался с проблемой Льва Николаевича весьма прозорливо: «Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли

В.И. Ленин

на слом с необыкновенной быстротой <...> Толстой отразил накопившую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости» [47, с. 207–212].

«Интеллигентство» Толстого имело глубокие корни, уходящие в эллинские и византийские идеалы справедливой жизни и непризнание римского идеала жизни по закону. Законник Столыпин со своей чисто европейской рациональностью был ему чужд.

Николай Александрович Бердяев попросту приписал Льва Николаевича к «духам русской революции», а не к какому-то ее «зеркалу»: «Толстой мешал народному и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств, и потому он был злым гением России, соблазнителем ее. В нем совершилась роковая встреча русского морализма с русским нигилизмом и дано было религиозно-нравственное оправдание русского нигилизма, которое соблазнило многих. В нем русское народничество, столь роковое для судьбы России, получило религиозное выражение и нравственное оправдание» [48, с. 99].

Еще проще смотрел на проблему мрачный Суворин, записавший в дневнике 29 мая 1901 г.: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии» [35, с. 316].

Тот же Суворин после встречи с Достоевским 8 августа 1887 г. отметил в дневнике шокирующее признание писателя: «Тут же он сказал, что напишет роман, где героем будет Алеша

Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером» [35, с. 16].

Впрочем, это только часть культурной панорамы, где мастодонтов классики окружали разные земноводные, которых становилось все больше и больше. Антон Павлович Чехов с легкой насмешкой отметил в письме А.Н. Плещееву еще 27 августа 1888 года: «Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободолюбия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во времена Инквизиции. Вот Вы увидите! Узкость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сделают свое дело» [30, т. 6, с. 316].

Доктор Чехов в диагнозе не ошибся. Требования, предъявляемые экономическим развитием к культурному обществу, были подобны неостановимому ходу экспресса, наезжающего на застрявшую на железнодорожном переезде дворянскую коляску. Ее седоки в ужасе спрыгивали на землю и старались зацепиться за пролетающие поручни, крича, чтобы машинист притормозил, а поездная команда впустила их в вагоны. Те, кому повезло, шли по коридору вдоль купе и видели в одном Льва Толстого, в другом — кадета Милюкова, в третьем — биржевых игроков и банкиров, в четвертом на мягком диване сидел молодой человек с интеллигентным лицом, прикладывавший к виску черный револьвер, угадывая, как надежнее застрелиться. Обезбоженность, о которой говорил Струве, давно царил в этом поезде.

А что было дальше? Равнодушие к собственной судьбе, проклятия в адрес Бога и отцов, отрица-

«Ленин был едва ли не одареннейшим из всех революционеров, когда-либо делавших революцию...»

ние святости семьи, культ греха, поиск наслаждений в этой короткой бессмысленной жизни. Начинаясь Серебряный век, поразивший мир свободой русского одиночества. Они утешались наркотиками, погружались в содомию, стрелялись. Как заметил исследователь этой тайной стороны Серебряного века Станислав Юрьевич Куняев: «В конечном счете самоубийство стало обычным явлением для „серебряной среды“. Век, как древнеримский Сатурн, стал пожирать своих детей. Раствление душ, как правило, завершалось „жертвоприношением тел“. Особенно рекордным по числу наложивших на себя руки был предвоенный 1913 год <...> Дети Серебряного века очень любили в своих стихах намекать или говорить прямо, что они играют с адскими силами, что они накоротке с „владыкой тьмы“, что их притягивают темные бездны зла. Такие игры даром не проходят. Игра в ад закончилась настоящим адом» [49].

«Серебряные герои» чувствовали себя в тупике, из которого нет выхода. А рядом, по другую сторону культуры, обитала демоническая сила, запечатленная на картине художника В. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875): «Здесь чуть не целая деревня собралась в избу. Все сидят за столом, и вдруг, как привидение, вошел колдун со своими длинными лычками у пояса, которыми может „связать“, кого захочет. Он стоит, как грозная статуя, он уже собирается ступить за очерченный мелом на полу круг. И вся толпа народа в испуге; дьякон тоже встал со скамейки и косится на врага своего. Какая глубокая картина деревенской веры и того обихо-

да мысленного, чем поколения, века живут у себя, по далеким деревням» [50, т. 1, с. 499].

Как объяснить, что именно интеллигенция согласилась стать бродильными дрожжами Февраля? Неся идею культурного развития, обслуживая финансовую и промышленную олигархию и желая получить свою часть власти, она во время войны сделала свой выбор. Победа императорской России была для нее нежелательна.

Культуролог Русского зарубежья Владимир Вейдле отмечает: «Ленин был едва ли не одареннейшим из всех революционеров, когда-либо делавших революцию. Свой изумительный талант революционера доказал всем своим руководством революцией, лишь по видимости основанным на учении о классовой борьбе, на самом деле проистекавшим из понимания исконной, хоть и дремотной, вражды русского народа не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину, т.е. человеку, быть может, и небогатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и ненужной народу жизнью <...>. При встрече с народом новая Россия (то есть февральская. — С.Р.) разбилась о наследие Древней Руси, не преобразованное Петром и его преемниками на троне или у трона.

Лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил. После Октября полунинтеллигентные пришли к власти, а интеллигенция более высокого культурного уровня оказалась выгнанной или уничтоженной» [51, с. 141–143, 255].

Простонародная Русь, со времен Петра более 200 лет ощущавшая себя «под романо-германским игом» (Н.С. Трубецкой «Наследие Чингисхана»), обрушилась на Санкт-Петербургскую империю в цивилизационном конфликте небывалой силы. Идея справедливости и правды победила идею закона и реформ. Вспомним: «Царь охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре» [73, с. 493–494]. ■

пэс 16004 / 15.01.2016

Продолжение следует

Источники

- [1]–[14] см. в № 1/2016, с. 117.
- [15]–[23] см. в № 2/2016, с. 106.
- [24]–[40] см. в № 3/2016, с. 153
41. Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info/history/20/1910/zhevahov1.html>.
42. Варламов А.Н. Григорий Распутин. М.: Молодая гвардия, 2007.
43. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1, 2 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека e-libra. URL: <http://e-libra.ru/read/335785-vospominaniya.tom-1.html>.
44. Струве П.Б. 17 октября 1909 г. / П.Б. Струве. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997.
45. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008.
46. Прайсман Л. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.
47. Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции: Полн. собр. соч. Т. 17. (Первая публикация «Пролетарий». 1908. № 35 (11 (24) сентября).
48. Бердяев Н.А. Духи русской революции / Н.А. Бердяев. О русских классиках. М.: Высшая школа, 1993. С. 99.
49. Куняев С.Ю. Любовь, исполненная зла. М., 2013.
50. Стасов В.В. Избранное: В 2 т. Т. 1. М. — Л., 1950.
51. Вейдле В.В. Умирание искусства. М., 2001.